

УДК 81-115

**МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЛЕС»
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ**

**MORPHEMIC STRUCTURE OF WORDS WITH THE MEANING «WOOD»
IN THE INDO-EUROPEAN LANGUAGES**

Ю. Н. Исаев

Y. N. Isaev

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук», г. Чебоксары

Аннотация. В статье проведен анализ морфемной структуры слов со значением «лес» в индоевропейских языках. Для проведения данного исследования автором взяты примеры из языков, представляющих основные генеалогические группы индоевропейской языковой семьи: славянской, германской, романской и др. Результаты исследования представлены в таблице.

Abstract. The article analyzes the morphemic structure of the words with the meaning “wood” in the Indo-European languages. To undertake this study the author has taken the examples from the languages which represent the basic genealogical groups of the Indo-European language family. They are Slavic, German, Romance, etc. The results of the research are presented in the table.

Ключевые слова: *структура слова, словообразовательные типы, аффиксальная морфема, реконструкция архетипа.*

Keywords: *word structure, word-formative types, affixal morpheme, archetype reconstruction.*

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование структуры слов в языках индоевропейской макросемьи дает интересный в научном отношении материал для проведения сравнительно-исторического анализа корневых и аффиксальных морфем, что позволяет приблизиться к решению многих проблем родства языков различных генеалогических групп. Если при этом необходимо установить архетип связанных корней, то нужно знать относительную хронологию языковых изменений, т. е. здесь мы сталкиваемся с вопросом реконструкции архетипа. По справедливому замечанию Ф. де Соссюра, «реконструкция возможна лишь путем сравнения, и, в свою очередь, у сравнения нет иной цели, кроме реконструкции... Сравнение в лингвистике не есть механическая операция; оно требует сопоставления всех тех данных, из которых можно извлечь материал для объяснения» [14, 255–257].

Материал и методика исследований. Исследование проведено на базе основных методологических принципов компаративного изучения языков. Материал для исследования получен из этимологических словарей индоевропейских языков. При анализе слов использовались сравнительно-сопоставительный и структурно-типологический методы.

Результаты исследований и их обсуждение. Для анализа морфемной структуры нами выделены следующие лексемы со значением ‘лес’:

ст.-сл. *gora* ‘лес’, нем. *horst* ‘чаща’ [19, 131];

др.-в.-нем. *baro* ~ *paro* 'лес' [17, 53]; *hart* 'лес' [9, 97];
 др.-англ. *hurst* 'лес'; др.-в.-нем. *horst* 'лес', др.-исл. *beer* 'дерево';
 др.-англ. *bearu* 'лес'; рус. *бор* ~ др.-англ. *bearo* 'лес' ~ др.-исл. *börr* [5, 63];
 лит. *giria* 'лес' при др.-рус. *garian* 'дерево' [8, 184];
 др.-инд. *giri* ~ авест. *garian* ~ ст.-сл. *гора* 'лес';
 **krog*: с.-хорв. *krūg* 'лес, гора';
 лит. *derra* 'лес (смолистый)', ст.-сл. *древцо*, серб. диал. *drêvo* 'дерево', 'лес' [7, 54];
 нем. *garten*, англ. *garten*, лат. *hartis* 'сад';
 шваб. *hart* ~ *hard* 'лес', 'ива'; *hard* 'лес';
 нем. диал. *kratt* 'лес', совр. англ. диал. *chart* 'лес'; ср. *hark* 'просека в лесу' [5, 74–75];
 н.-нем. *berg* 'лес';
 инд. *бир* 'лес' (*бирхор* < *бир* 'лес' + *хор* 'человек');
 словен. *brina* 'ель', 'хвойный лес', связано с чередованием гласных, ср. *бор* 'ель';
 чеш. *обора* 'охотничий лес' [9, 179];
 рус. диал. *хребёт* 'хороший строевой лес на возвышенности' [19, 108];
марь 'болотное место в тайге' [12, 379];
марек 'лес на холме', 'сухое место с небольшим леском' [12, 368]; слов. *дрезга* ~
дрездок 'лес' [9, 128];
 южн.-слав. *цери́к* 'дубовый лес' (*цера* 'чернильный дуб') [9, 460];
урмень ~ *урман* 'лес'; *урема* [16, 167–168];
 др.-луж. *korč* / *kurč* 'пень';
 англ. *forest* 'лес', фр. *forêt* 'лес';
 исп. *marana* 'заросли, чаща' [9, 257];
рогхъна: с.-хорв. диал. *prana* 'любое трухлявое дерево';
 исп. *monte* 'лес', 'гора';
волок 'лес, бор' [4, 106];
валуга ~ *алуга* 'густой лес' [19, 15];
волок 'лесок';
ванчес 'брусовый лес';
 тадж. *јангал* 'лес' [10, 157];
 укр. *кучера* 'гора, покрытая лесом'; болг. диал. *кичера* 'склон с молодым лесом';
 рус. диал. (*олон*) *мандара* 'лес на берегу', 'лес мандовый'; 'низкорослый сосновый лес' [12, 356];
 ст.-сл. *забель* 'заповедный лесной участок'; *žaběl* 'лес';
 макед. *забел* 'заповедная роща';
хворостина 'дубовый лес', ср. венг. *harast* 'лес'; укр. диал. *хворост* 'молодой березовый лес', ср. баск. *korosti* ~ *gorosti* «тж», а также 'шум' [19, 129, 131];
 рус. *холм* 'пашня, огороженная лесом' [19, 138];
холм 'поросшая лесом гора', 'возвышенность в лесу';
 др.-инд. *vanat* 'лес' [17, 911];
 арх. *баланс* (~ *балан*) 'лес для шахт, мелкий, нетолстый' [2, 100–101];
 рус. диал. *воляг* 'заросли' [19, 223];
 балт. *меж* 'лес' [9, 256];
 индоевр. *keldos*, *klada* 'дерево, лес' [9, 265];
 др.-луж. *ken* 'пень', 'лес, бор' (прасл. **къль*);

ср. польск. *kien, kein, knieja* ‘пень’, ‘лес, бор, предназначенный для охоты и пчеловодства’, русск. *кнея* ‘изолированно стоящий, окруженный полями лес, редкий кустарник’;

др.-луж. *kuka* перв. ‘пень’, затем ‘лес’ (чеш., слов. *kuka* ~ др.-польск. *kika*). Возможно, от *kuka* произведено слово *kučera* (в Карпатах *кусега* ‘лесистая возвышенность’, а также ‘голая возвышенность’);

рус. *чепурник* ‘чаща, заросли’ (ср. с.-хорв. *čepur, čaporak, čepor* ‘пень молодого дерева’);

поросль ‘крупный сосновый лес’ [13, 42];

гай ‘роща’, ‘сосновый лесок’ [13, 51];

шума ‘лес’, ‘гора, поросшая лесом’ [13, 65];

болг. *балкан* (> *балкан*) ‘лес’, ‘горный лес’ [13, 73];

половина: с.-хорв. *планина* ‘гора, покрытая лесом’ [13, 82];

шалга (<карел. *šalgone* ‘глухой лес, глушь’), ‘молодой хвойный лес’, ‘срубленные хвойные деревья, не идущие на постройки’ [13, 87];

край ‘лес’, ‘опушка леса’, ‘берег, обрыв’ [13, 88];

рамень ‘лес, хвойный еловый лес’ [13, 107];

круг ‘роща’, ‘заросли кустарника’ [13, 118];

олес (> *лес?*) ‘лес’, ‘болото’, ‘ольховый и лиственный лес на болоте’ [13, 159];

гарь ‘хороший еловый лес на сухой почве’. В сноске под № 52 Н. И. Толстой дает такой комментарий: «Предположение М. Романова, что усиньск. *гарь* восходит к швед. *gran* ‘ель’ через этапы: **gran* ~ *garan* ~ *грань* ~ *гарь*, очень маловероятно» [13, 200]; *гарь* ‘пожарище’ → *гарь* ‘густой лес’. Отметим лишь, что здесь семантически несовместимо: *гарь* ‘хороший еловый лес’ и *гарь* ‘пожарище’;

мандара, мандера ‘лес на материке’ [16, 567];

median ‘лес’ [15, 163];

калтус ‘чаща леса’ [12, 366];

гала ‘поляна в лесу’ [19, 89, 96]; *тай* ‘лес’ [16];

Для более архаичных словообразовательных типов характерен более простой морфемный состав форманта. К таковым мы относим: а) основы типа СГСГ (согласный-гласный-согласный-гласный), оканчивающиеся на гласные, в которых формант собирательной множественности считается омертвевшим: др.-в.-нем. *baro* ~ *paro* ‘лес’ [17, 53]; др.-англ. *bearo* ‘лес’, др.-инд. *giri* ‘гора, лес’, ‘гора, горный лес’, чеш. *обора* ‘охотничий лес’, др.-луж. *kuka* ‘лес’; б) основы типа СГСС, оканчивающиеся на согласные: *hart* ‘лес’, др.-исл. *berr* ‘дерево’, *börr* ‘лес’, н.-нем. *berg* ‘лес’, ‘холм’, ‘поросшая лесом гора’, *wald* ‘лес’; в) архаичные основы типа СГС, на базе которых получили развитие основы типа СГСГ и СГСС и другие:

бор ‘сосновый лес’, инд. *бир* ‘лес’, балт. *меж* ‘лес’;

ган ‘роща’, ‘сосновый лесок’, *тай* ‘лес’.

Мы полагаем, что некогда фонемы, входящие в состав начального слога слов, были носителями лексического значения, а фонемы неначальных слогов (постфиксальные фонемы) – носителями грамматического значения слова. Хотя основы типа СГС, СГСС и считаются односложными, в них, как и в основах СГСГ, можно обнаружить омертвевшие постфиксы. Омертвевшие постфиксы в структурах индоевропейских слов со значением ‘лес’ обнаруживаются и в составе «живых» составных суффиксов:

-ев: ст.-сл. *древо*, серб. диал. *drêvo* ‘дерево’, ‘лес’;

- ок, -ог: валок, волок 'лес, бор', krog, krūg 'лес, гора';
 -уга, -уг: валуга, халуга 'густой лес', круг 'роща';
 -га: шалга 'молодой хвойный лес'; слов. др-ез-га 'лес';
 -ка(н): балка, балкан 'горы, покрытые лесом';
 -ин, -ина: слов. брина 'хвойный лес';
 -ик, -ник: черник, церник, церик 'дубовый лес' (при цер 'чернильный дуб');
 -ан, -анс: арх. балан, баланс 'лес для шахт';
 -гал: тадж. жангал 'лес, гора';
 -ост: укр. диал. хворост 'молодой березовый лес';
 -osti: баск. korosti ~ gorosti 'молодой березовый лес';
 -st: нем. horst 'чаща';
 -est: англ. forest 'лес';
 -ostia: *orostia 'роща';
 -ét: фр. forêt 'лес';
 -ёк: марёк 'лес на холме';
 -мяг: волмяг 'заросли';
 -ак, -як, -яг, -уг: рус. диал. кедрок 'кедровый лес', листьак 'лиственный лес', березяг 'березовый лес', березуга 'тж'.

Структурный состав индоевропейских слов со значением 'лес' представлен в табл. 1.

Таблица 1

Структурный состав индоевропейских слов со значением 'лес'

«р» группа		
I. ар, ор, ур, ер		
бар + -о	hor + -а	др + -ъво
нар + -о	hor + -st	др + -ево
гар + -ь	kor + -osti	др + -езга
хар + -t	gor + -osti	др + -ездок
гар + -ian	бор	бир
gār + -ša	обора	berr
kr + -og	or + -est	börr
kr + -īg	or + -ét	bear + -у
kr + -att	хвор + -ост	Ver + -g
char + -t	бр + -ина < борина?	чер + -ник
кр + -aī	*or + -ostia > роща	цер + -ник
мар + -ёк	ур + -мань	кучер + -а
тар āna	ур + -ман	кичер + -а
марь	ур + -очище	чер + -ень дубовый 'лес'
тох. ор 'дерево' → ('лес?')	ур + -ёма	чер + -нь 'тайга'
гор + -а	der + -va	
«л» группа		
II. ал, ол		
ал + -кас	бал + -кан	вол + -мяг
ал + -уга	бал + -ка	хол + -м
вал + -уга	вал + -ок	ол + -ёс
хал + -уга	wal + -d	кал + -тус
бал + -ан	вол + -ок	галл + -а
бал + -анс	шал + -га	

«й» группа		
III. ай, ој		
<i>гай</i>	<i>gōj + -us</i>	<i>тай</i>
«н» группа		
IV. ан, он, ен		
<i>ван + -чес</i> <i>jan + -gal</i>	<i>ман + -дера</i> <i>тон + -те</i>	<i>урмань</i> <i>урман</i>
«м» группа		
V. ум, ам		
<i>шум + -а</i>	<i>чам + -ень</i>	<i>рам + -ень</i>
«д, т» группа		
VI. ed		
<i>med + -ian</i>		

По мнению Ю. С. Азарх, собирательные названия растений на *-ник, -няк/-няг* возникли после того, как сформировались вторичные собирательные наименования растений с суффиксами *-ик, -яг/-як, -юг/-юк*: ср. *березняк, березняг*; диал. *бредняк, глушняк*. В новгородских письменных памятниках слова типа *березняк, березняг* встречаются лишь со второй половины XVI в. Единичные образования типа *сосньникъ* ‘сосняк’ появляются в памятниках лишь с конца XIV в. [1, 119–130].

В современном русском языке самыми распространенными являются те лексико-семантические группы (ЛСГ), основную массу которых составляют производные слова со стандартным, предсказуемым значением и формантной частью, равной по смыслу словообразующему аффиксу (словообразующим аффиксам): *ель-ник, сосн-як* (или *сосняк?*), *дубняк, вербняк, берез-няк, ивняк, хвой-няк* и т. д.

Но в некоторых случаях суффиксы *-ник, -няк* могут быть осложнены суффиксами с первичным значением собирательности: *кедр-ов-ник, мал-ин-ник, кал-ин-ник, ряб-ин-ник* и т. д.

В диалектах русского языка в качестве словообразовательного форманта могут выступать и другие суффиксы, обозначающие совокупность растений:

-ач: *кедрач* (при лит. *кедр-ов-ник*);

-ник: *ивник* (при лит. *ив-няк*); *дубник* (в лексиконе Поликарпова 1704 г.); *дубняк* (в Росс. Целлариусе 1771 г.).

В современном русском языке у собирательных существительных суффикс *-няк* сочетается преимущественно с непроизводными словами (с синхронной точки зрения): *березняк, вишняк, дубняк*, а суффикс *-ник* – с производными, в том числе опрошенными, основами: *виш-ен-ник, жердинник, пихтарник, терновник* [6, 140, 168].

Особый интерес представляет в этом отношении слово *дубрава*, общеславянское по происхождению: ср.: укр. *дубрава, дуброва*, белорус. *дуброва*, польск. *dąbrowa*, чеш. *doubřava*, слов. *dubrava*. Оно образовано с помощью суффикса *-ва*, а не *-ава* [17, 134] или *-ава* [18, 203]. Существительное **дубр* представляет собой производное с суффиксом *-р* от *дуб*, т. е. *дуб-р-а-ва* > *дубрава*, где суффиксы *-р* и *-а* слились воедино: ср. чеш. *dubra*. Суффикс *-ва* встречается и в слове *мурава*, которое образовано от существительного *мурь* ‘луговая трава’.

В корневой части индоевропейских фитонимов наблюдается морфологическое чередование гласных, получившее название аблаута, восходящее к индоевропейскому языку-основе: *e / o / a* ~ ноль звука или *e / ноль, o / ноль, a / ноль* звука: **krog* < **korog, kratt* < **karatt, древо* < *дерево*, ср. *дерва*; *дрезга* < **дерезга* (?), *дроздак* < *дерездак* (?).

О. Семереньи чередования типа **ters-/*tres-* называет перестановочным, или вторичным, аблаутом, который восходит к двусложным основам типа **ter-es*, которые в зависимости от места ударения давали **ter-s* и **tr-es*. Автор допускает, что в некоторых случаях происходит метатеза, т. е. **terp* могло переходить в **trep* [11, 150]. По нашему мнению, в фитонимах имеет место, видимо, не вторичный аблаут, а аблаут индоевропейский (the indoeuropean ablaut) [3, 28].

Фитонимы *урёма* ‘лес в болотистой низине, кустарник по берегу речек’, *урмань*, *урман* ‘лес, особенно хвойный, на болотистой почве’ М. Фасмер считает тюркскими заимствованиями и связывает *урман* (*урмань*) с тат. *урман* ‘лес’, а *урёма*, *урема* < чув. **ugāmā*, тат. *ārāmā* ‘низкое место около реки, поросшее ольхой’ [16, 167–168]. В слове *урочище* ‘лес среди поля’, видимо, корень *ур* тот же, что и в *урман*. Однако за *урочище* принимали и одиночное дерево. Значит, в данном случае также наблюдается семантический сдвиг ‘дерево’ ↔ ‘лес’.

Резюме. В результате нашего исследования мы выявили шесть групп корней слов, относящихся к соответствующему семантическому классу. Каждая из этих групп обладает целым рядом характерных для нее морфем. Наибольшее количество морфем демонстрируют «р» и «л» группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх, Ю. С. О диахронических пластах и диалектных различиях в словообразовательной структуре лексико-семантической группы (на материале фитонимической лексики) / Ю. С. Азарх // Диалектология и лингвогеография русского языка. – М. : Наука, 1981. – С. 119–130.
2. Архангельский областной словарь. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – Вып. 1. – 168 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
4. Вопросы ономастики. – Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1979. – № 13. – 125 с.
5. Маковский, М. М. Теория лексической аттракции: опыт функциональной типологии лексико-семантических систем / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1971. – 248 с.
6. Максимов, В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке / В. И. Максимов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1975. – 224 с.
7. Мейе, А. Общеславянский язык / пер. с франц. ; А. Мейе. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 491 с.
8. Невская, Л. Г. Балтийская географическая терминология / Л. Г. Невская. – М. : Наука, 1977. – 228 с.
9. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
10. Ономастика Востока / ред. коллегия: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. – М. : Наука, 1980. – 286 с.
11. Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи. – М. : Прогресс, 1980. – 470 с.
12. Словарь русских народных говоров. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1965. – Вып. 1. – 302 с.; 1966. – Вып. 2. – 314 с.
13. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1969. – 262 с.
14. Соссюр, де Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
15. Топоров, В. Н. Прусский язык. Словарь / В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1979. – Т. 2. – 352 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. IV. – 864 с.
17. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
18. Этимологический словарь русского языка : в 2 ч. Ч. 1 / под рук. и ред. Н. М. Шанского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963–1985.
19. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974–2003.